

Виктор Васин

**МОЯ ЖИЗНЬ
ЛИРИЧЕСКИЕ
МЕМОУАРЫ**

Виктор Васин

Моя жизнь. Лирические мемуары

«Автор-Онлайн»

2015

Васин В.

Моя жизнь. Лирические мемуары / В. Васин — «Автор-Онлайн»,
2015

Жизнеописание через призму исторической хронологии, на фоне эпохальных событий века нынешнего и минувшего. Становление человека, формирование его как личности происходит в самые тяжёлые моменты для его семьи и Родины. «Жизнь сильнее воображения» – так можно сказать о биографии автора книги Викторе Васине. И конечно, точку в этих мемуарах ставить рано.

Содержание

Моя жизнь	5
Глава первая	7
Глава вторая	8
Глава третья	9
Глава четвёртая	13
Глава пятая	16
Глава шестая	17
Глава седьмая	18
Глава восьмая	19
Глава девятая	21
Глава десятая	23
Глава одиннадцатая	24
Глава двенадцатая	26
Глава тринадцатая	27
Глава четырнадцатая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Виктор Васин

Моя жизнь. Лирические мемуары

Моя жизнь

(исповедь автора, пожелавшего взглянуть с высот восьмого десятка на собственное детство, юность, и, кажущиеся ему чересполосными, – зрелые годы)

История любой человеческой жизни – история бесчисленных частных конфликтов и компромиссов – с государством, в котором живёшь, с противоположным полом, и с собственным эго. Снаружи каждую жизнь обрамляют даты прихода в этот мир, и даты ухода в небытие.

Изнутри жизнь индивида помечена периодом становления – и последующим, поэтапно-отчаянным завоеванием места под солнцем. Своего, а не отъёмом чужого. Меж двумя застывшими датами красуется тире, инициализирующее время и длину прожитой жизни. На сегодня – для зрелого большинства – числа дат своим началом уходят – в век двадцатый, серединой – в конец второго тысячелетия, и, почтенным возрастом – в первые лета третьего.

Мои даты – не исключение. Время, в котором живу, я нахожу великим, и определяю его – как эру торжества машин, суперсовершенных технологий, и как факт выхода нынешней цивилизации на пик своего расцвета.

И я благодарен небесам, однажды счѣвшим нужным слить воедино хромосомы моих предков, и подарить мне жизнь, позволившую стать свидетелем масштабной событийности двух веков.

Глава первая

«Я мыслю, следовательно, существую».

Рене Декарт

Человек приходит в реальный мир спонтанно.

Для первенцев любого пола спонтанность появления на свет приближается к закономерности.

Пары, где есть он и она, соединяясь в браке и вне оногo, по прихоти влечения, или по воле случая, – просто удовлетворяют свои сексуальные потребности, не думая наперёд, что из этого выйдет, и выйдет ли что-либо вообще.

Немудрено, что образуя совместную ячейку – по любви ли, по расчёту, по благословению свыше, или по следованию традициям клана, – особи остаются в этой смычке... биологически чуждыми друг другу. Их родство, при любой из форм связи – в браке или сожительстве – справедливо именуется... семейным!

Кровное же родство возникает только – у детей, рождённых от истинных отцов и матерей, и полукровное – у детей от разных пап и мам.

Инстинкт единокровности столь силён, что дети, которых бросили родители сразу после их рождения, дети, выросшие в чужих, и весьма благополучных семьях, повзрослев, жаждут увидеть своих биологических пращуров, и, увидев, прощают им их родительские прегрешения, – родство по крови берёт своё.

И как бы ни велика была обида за предательство, благодарность – за однажды дарованную жизнь, путь даже сиротскую – подавляет чувство неприязни к своим, преступившим видовую заповедь, предкам.

К тому же, доброе здравие (что случается, и нередко), полученное чадом от слившихся когда-то в сексуальном экстазе биородителей, и унаследованные от них же (что тоже, надо признать, не редкость) вполне приличные гены, позволяют забыть о безнравственности – то ли совместного, то ли порознь совершённого эгоцентричными предками – «аморального» проступка.

Глава вторая

Почему мы – дети новой и новейшей России – не озабочены историями своих родов, и не желаем заглядывать вглубь своего генеалогического древа? В лучшем случае (чаще формально, и на словах), – почитаем отца и мать, кое-что знаем – об их отцах и матерях, и почти ничего – о пращурах. У большинства из нас родословное древо упирается корнями... в крепостное крестьянство.

И современный селянин, и его величество – рабочий класс, и «прослойка», именуемая народной интеллигенцией, – потомки тех жителей Российской империи, в чьих верёвочных жилах текла... далеко не голубая кровь. Эка невидаль! – в конце концов, если верить измышлениям сэра Чарлза Дарвина, – у всех у нас был общий, не слишком благообразный предок – обезьяна.

И вряд ли, даже у той ветви приматов, от которой будто бы и пошли особи, окрестившие себя «венценосцами» – стучала в жилах та самая... патрицианская голубая кровь.

Да, в эволюционное течение естественного отбора, на нашей, шестой части суши, однажды вмешалась революция, и её тяжёлый каток изуверски прошёл по судьбам революционно упраздняемых сословий. Аристократическая верхушка, элитное дворянство, высшее офицерство, и прочая знать, – вся эта публика, как «чуждый» элемент, изводилась под корень: признанная «отжившей», и подозреваемая в «контре» – иерархическая знать попадала под жернова красного террора; горстка же сумевших выжить – бежала за кордон, справедливо страшась изведения своего племени на родине... вплоть до седьмого колена.

Мне, родившемуся в первой половине прошлого столетия, в семье, где у всех её членов были титулы: «из рабочих», либо: «из крестьян», – мне, получившему (к годам дожития) необходимый минимум житейских благ, грех сетовать на своё «неродовитое» происхождение. Как-никак, в те времена подобные «титулы» были в официальном почёте: страна всё ещё исповедовала «высший принцип», и именовалась диктатурой! – диктатурой классов, в сословную графу которых были вписаны именно эти «титулы».

Всё вышеизложенное позволило и мне, выходцу из такой же «серой», классово-почитаемой среды, обрести интеллектуальную профессию, и влиться в ряды «прослойки», именуемой (по наущению свыше) – Советской народной интеллигенцией.

Глава третья

Верховная власть той поры хоть и опиралась на пролетарскую массу, но при всей своей ортодоксальности, и приверженности постулатам марксизма, – всё же заглядывала (в стратегических задумках) чуть далее сует текущего момента.

Дело в том, что костяк, этой, присягнувшей на верность, пролетарской массы, был дремуч; и власть понимала, что одной лишь преданности идеям социализма, и готовности – умереть на баррикадах, мало для осуществления задуманного.

От масс, в эпоху индустриализации, требовались (по нужной, и довольно высокой планке) – грамотность и творческий профессионализм, чего, преданные делу революции массы, предложить не могли. Но вслух об этой ахиллесовой беде победившего пролетариата (тем паче – с высоких трибун), – «руководящая и направляющая» предпочитала не распространяться. Партийный такт блюлся, порой неуклюже и без должного чувства меры, – но блюлся неукоснительно. Особенно в таком щекотливом вопросе.

Социализм, с его технологичным базисом и умной надстройкой (таким он определялся властью в далёкой перспективе), ещё предстояло построить, а чтобы построить сие экономическое чудо, нужны были хорошие головы и умелые руки.

Власть, хоть и пестовала (по нисходящей) «классово зрелые» слои социума, но, проявляя полит-прозорливость, присматривалась и к более молодой поросли, – к сыновьям и дочерям стареющего пролетариата, предоставляя им – выходцам из рабоче-крестьянских семей, многочисленные образовательные привилегии. Дабы обеспечить низовой поросли (едва освоившей ликбез) конкурсный гандикап, власть намеренно опускала шлагбаум запрета... перед той порослью, чья социальная принадлежность вызывала у неё оскомину и классовую неприязнь. Особое содействие (и в этом тоже был резон) оказывалось членам новоиспечённого Союза молодёжи, и подклассу «сочувствующих». И, надо признать, подобная практика дала ожидаемые результаты: среда вчерашних «ликбезников», получившая (по отмашке свыше) доступ к широкому (на тот период) образованию, выдала-таки на-гора когорту грандов, чей след в отечественной (советской) истории – заметен и по сегодня.

Утверждать, что приглашая в храмы наук вчерашних малограмотных, но классово близких «высшему принципу» юнцов, власть надеялась получить... новых Ломоносовых и Менделеевых – было бы наивно; но что именно в те времена (у оставшегося без элиты государства) появились – и нужные инженеры, и нужные управленцы, и нужные гуманитарии – факт (при всех недомолвках) более чем неоспоримый.

Пришли таланты, не очень крупные, но надёжные и прагматичные. Что до Ломоносовых, – корифеи, а тем паче – уникамы, приходят (на мой взгляд) в наш мир вовсе не по зову попавших впросак властей, а лишь по зову самой жизни, – жизни, угодившей в нравственный, демографический, либо в ресурсный тупик.

Такой жизни (как, впрочем, и формации, испохабившей её), дабы не кануть в Лету, безусловно, и всегда спешно, требуются корреляторы; и они приходят – уникамы, корифеи, реформаторы.

Любая власть, даже если она до мозга костей – власть низов, в своих экономических начинаниях предпочитает иметь дело с крепким, хорошо образованным середняком: учителем, эскулапом, вездесущим (но думающим!) бюрократом, и кормильцем всего и вся – хитроумным крестьянином.

Худо-бедно, но управлять страной, держа массы на коротком поводке – можно. Можно, через кнут и волюнтаризм – править, полагая, что местечковая номенклатура в точности исполнит указующие директивы, и коммунизм, в ипостаси его первой фазы, будет построен. Но вот

беда: образовательный ценз руководящей братии на местах – в те годы никогда не простирался далее партийных, комсомольских, либо профсоюзных курсов.

А с таким скарбом – да в калачный ряд?..

Отказаться от услуг убогой местечковой номенклатуры, освобождённой от любых обязанностей, кроме обязанности «взять под козырёк», – верховная власть, конечно, не могла. Но и полагаться во всём только на верноподданнические качества и классовую зрелость масс – было опасно. Власть понимала, что без мастеровитых профи, без наличия асов – на исполнительском уровне, и без хорошо обученной «прослойки» – на управленческом, – построить задуманное невозможно. А задумывался (согласно провозглашённой доктрине) социализм, – нечто, бродившее? доселе по Европе, и забредшее (дабы обрести плоть и лицо) в нашу многострадальную страну. Строя сие химеричное нечто! – (принудительно, второпях, и на авось), власть упражнялась в радикализме.

Отвергалась конкуренция. Вводилось соцсоревнование. Торжествовали два принципа, – справедливый:

«от каждого – по способностям, каждому – по труду», и – устрашающий: «кто не работает, тот не ест».

Вроде бы здраво: уравнительно и равноусреднённо. И отвечало духу коллективизма. Но – не грело, не влекло, не устрашало...

И труд был разным, и способности. К тому же, объявлялось, что стоимости у такого труда нет, а, посему – сия обязательная деятельность не может быть адекватно оплачена. За труд, именуемый общественным, полагалось... вознаграждение.

Насаждалась всеобщая занятость. Платили «прожиточные» гроши за сам приход на работу, за часы пребывания «при деле», хотя делом, как таковым, подобное времяпрепровождение, конечно же, (в силу своей ничтожности) – быть не могло.

Преследовалось тунеядство. Осуждались – дармовщинка и паразитизм. Высмеивалось постыдное иждивенчество. И, тем не менее, все вышеперечисленные пороки – существовали и продолжали плодиться.

Но ел вдоволь не тот, кто работал. А тот, кто работал, ел плохо, потому что делал плохой, никому ненужный продукт. Принципы оказались пропагандистским блефом. Страна катилась в экономическую пропасть.

Запахло гарью. Назревал бунт... Нужен был компромисс, и он был найден, и что-то? и в самом деле было построено; но соответствовало ли – это, построенное «что-то!» – задуманному?

Конечно, в мозги, тем паче – руководящие, не заглянешь. И всё же любопытно? – имея в активе всего лишь умение читать и писать, а, посему, в пассиве – весьма одностороннее развитие, – верила ли сама, сидящая в партийных креслах руководящая братия, в химеру построения коммунизма в отдельно взятой стране; верила ли в утопию, в которой будет торжествовать великий принцип:

«От каждого – по способностям, каждому – по потребностям».

Возьму на себя смелость утверждать: верхушка – нет, но – средняя, мелкая, местечковая – пожалуй, да.

Или, всё же – за право фанфаронствовать, за тёплый клозет, и увесистый спецпаёк – делала вид, что верит?..

Ну да бог с ней, с номенклатурой (местечковой и средней руки), и с её умением делать вид, будто она верит в то, о чём болтает, пишет, и вещает. В самом деле, можно ли взаправду верить в утопию, пусть и спущенную сверху, но отдающую блефом, и явно рождённую незрелым, а, возможно, и большим воображением?

И разве можно всерьёз воспринимать сказку... про манну небесную, которую завтра будут распределять по потребности?

Ох уж, эти потребности! – знать бы, в каких объёмах мыслятся сии дармовые коврижки завтрашнему сибариту...

Народ, если он талантлив и энергичен, при любых раскладах – из ничего способен сотворить конфетку. Русский – тем паче!

Да, конфетка может выглядеть непривлекательно внешне, а то и вовсе быть завёрнутой в грязно-серый ширпотребовский фантик. Но если учесть – из чего и как она была сделана, простить невзрачность конфетке – потребитель (а я подразумеваю советского) будет просто обязан. Когда же конфетку перенесут на конвейер, и станут делать в количестве, достаточном для всех, – сетование на её невзрачность и китчевую эстетику, и вовсе покажется излишней привередливостью, филистерским брюзжанием, и интеллигентским моветоном...

Труд, наречённый свободным, труд якобы на самого себя, а не на кровососа-толстосума; труд на государство, именуемое диктатурой низов, труд в «коллективе», несмотря на его частую ненужность, второсортность, низкую производительность и пресловутую плановость, – всё же давал (глупо замалчивать очевидность) довольно неплохие количественные плоды.

Под рефрен: народ и партия едины! – возводились заводы; поднимались платины; производилась нужное количество энергии; что-то творила наука; земля рожала хлеб. Народ, который тогда ещё не величали электоратом, был накормлен, пусть не досыта, но продуктом своей земли, на которую (а не на транснационального лабазника, гораздого поставить в страну эрзац-суррогатные несъедобности), полагались (и полагаются по сей день!) «массы», – её, землю, и обустройствающие.

Надо признать, что народ, прозябающий в полунищете, и партия, зовущая «демос» в светлое завтра, – едиными никогда не были.

И всё, что делалось, что возводилось, сооружалось, придумывалось и внедрялось, – вовсе не было (как внушалось!) заслугой «руководящей и направляющей», а было (что ближе к истине) – следствием боевого энтузиазма нищего «демоса», поверившего в объявленную свободу, и жаждущего в короткий срок индустриально обустроить разорённое отечество.

Обустроили, – где-то коряво, где-то неуклюже, где-то декоративно. Разрушенный до основания, новый мир был слеплен.

В отдельно взятой стране. Модернизированная (и возведённая с нуля) промышленность плавил металл, делала машины, турбины, суда, локомотивы, и (остаточно) – кое-какой житейский инвентарь. Коллективизированное село выдавало сносно-съедобную продукцию. Ковалось оружие, с которым можно было бы встретить возможного агрессора, и охладить (что определялось – как императив!) его горячую голову. Что-то распределялось, что-то объявлялось бесплатно-обязательным для всех. Цены на товары «жизненной?» необходимости держались на доступном уровне.

И было много чего ещё, о чём трубили, писали в газетах, слагали велеречиво-хвалебные стихи, и сочиняли трескуче-пафосные и идеологически-выдержанные новеллы и романы.

И было много всего прочего – внешне броского и социалистического, но дешёвого и одноразового...

И всё же – «великие» завоевания были!

Кто ж спорит – были. Да только зачем называть социализмом то, что (как провозглашалось!) построенной первой фазой коммунизма – никогда не было, и быть не могло?

Зачем, почти семьдесят лет, надо было страшить мир непременным приходом «призрака» на все широты земного шара, и вешать на пролетариат ярлык... могильщика «загнивающего» капитализма?

Зачем было, на потеху Западу, строй, в котором труженик, к концу (недолгой) жизни, имел пару штанов и шесть метров площади в коммуналке, – объявлять строем высшей справедливости, то бишь – социализмом с человеческим лицом?..

Карл Маркс, как бы мимоходом – заметил: если извлечь из капитализма его криминальную составляющую – частнособственническая формация рухнет в одночасье. При этом Маркс – ни словом не обмолвился, что на смену рухнувшему капитализму непременно придёт коммунизм, в котором (даже в лице его первой фазы) – преступной составляющей, конечно же, не будет.

Увы, оказалось – это не так. Криминал благоденствует при любой формации. Вот только при капитализме криминал (судя по сноровке) – пусть и несправедная – но движущая сила формации, при социализме же – всего лишь паразитирующая пиявка...

Глава четвёртая

К началу девяностых, большая часть аксакалов первой волны ушла в мир иной (возможно, не в лучший); меньшая, дряхлеющая, являла собой гвардию отставных персон «державного» значения. Их дети и внуки к тому времени вошли в осознанную зрелость. Мажоры девяностых (как нарекли бы их сегодня), поднаторев в фактуре – «подавать себя» – смотрелись сановитее своих отцов.

К годам первой зрелости они успели потолкаться в престижных (домашних и закордонных) альма-матер. Стало быть, дозревши, могли предъявить бумаги, подтверждающие их высокую (с «забугорным» лоском) – образованность. Немудрено, что «породистые» мажоры претендовали (и были пристроены – через кумовские, кастовые, и родственные связи) на освобождающиеся номенклатурные посты. И когда в воздухе запахло новой революцией, и был провозглашён (правда, невнятно) курс на строительство (но всё с тем же человеческим лицом!) – частно-государственного капитализма, начальствующая публика второй и третьей волны раскудила: да, заводы, фабрики, ЛЭПы и плотины, и прочая недвижимость – собственность всенародная. Но, коль скоро заводы (продолжали рассуждать мажоры) строились, а недвижимость создавалась – под руководящим началом их (крупных, и не очень) номенклатурных предков, стало быть (при смене формации), ничейная собственность (по праву?..) должна перейти в их руки. Да-да, в руки прямых (и косвенных, читай – незаконнорождённых) наследников своих отцов. Так мыслилось. Но чтобы прибрать «ничейное» богатство к рукам, следовало придумать право. А лучше закон, объясняющий право. Родилось слово «приватизация». Предполагалась передача госимущества (земель, и всего, что перемещалось, стояло, и росло на этих землях) – в коллективное, и даже в индивидуальное владение. Либо за плату, либо... за «просто так». Но кто в те годы мог сполна заплатить за «ничейное» госимущество?..

Никто. А, посему, вариант: «возьми за просто так» подавался, как единственно-возможный. К тому же, даровщинка позволяла ловкачам, близко стоящим к рычагам «распила госимущества» – немедля (и беззатратно!) шагнуть в капитализм.

В тот самый – приватно-государственный, в котором – авуары и власть – были бы... единым целым.

В истинном капитализме подобные «ценности» – разделены!

Собственность становилась манящим и безвозмездно-лакомым куском; её можно было взять взаймы у государства, и, что особенно замечательно, – без каких-либо обязательств отдачи долга.

Ибо отныне собственность именовалась – частной!

И, как гласил состряпанный под неё закон, – неприкасаемой!

Новоиспечённые нувориши (большой и средней руки) оделись в деловой импорт. Смотрелись «державно», и по-заморски респектабельно. Их, доселе скудный, совковый лексикон пополнился «рыночными» словесами: менеджмент, залог, ажио, акционирование, моржа, офшор, бенефициар...

Делёж (а проще – раздача заводов, газет, пароходов) обогатил (раздел-то шёл промеж самих себя) последнюю волну партийно-профсоюзно-комсомольских вожаков, и породил новый класс люмпенов, потерявших, пусть якобы коллективную, пусть всеобщеническую, но всё же, хоть как-то греющую душу – народную собственность...

Часть общества, – та, что в который раз осталась ни с чем, возмущённо заявила (и, наверное, обоснованно), что огромные госценности были сделаны руками!., их отцов и дедов, а не руками?.. партийно-профсоюзно-комсомольских вожаков, и что делёж этих огромных ценностей «промеж этих самых вожаков» – чудовищно несправедлив. И что свобода и демократия при пустом кармане, а, стало быть, и при пустом желудке, – вещи абстрактные и им непонят-

ные; и что с ними делать, при отсутствии хлеба насущного, люмпены, оставшиеся ни с чем – не знают.

Но разнокалиберные «либералы», поочерёдно взбираясь на демократические трибуны, изрекали: «...случилось то, что случилось. Революция совершилась. И хорошо, что сверху, и почти бескровно. Глупо тосковать по прошлому, в котором свирепствовала уравниловка, и не было свободы. Что до разгосударствления народного богатства – оно завершено. Да, – не скрывая ухмылки, соглашались крезды, – были огрехи. Да, – нехотя признавали молодцеватые нувориши и набобы, – при разделе госсобственности кое-какие «прегрешения» и «перегибы» имели место. Но, простите, – на голубом глазу вопрошали дрожжевые капиталисты, – разве мы не блюли закон, по которому «делилось» и приватизировалось имущество страны?! Вопрос же – кем, и с какой целью закон был писан – некорректен и провокационен.

Разве не очевидно: закон спущен сверху! И он исполнен. Кем? – нами, реформаторами, или, если хотите – будущими строителями постсоциалистического капитализма»...

Действительность – как уклад, как зримую явь (назидательно разглагольствовали реформаторы), надо принимать такой, какой она есть, а не такой, какой хотелось, чтоб была. И надо всего лишь стараться – не быть в ней лишними. Какой прок в бунтарстве и бузотёрстве, если поезд давно ушёл, а ты не успел (или не пытался) вскочить на подножку даже его последнего вагона?..

Те, кого подобные доводы убеждали – смирились; и, смирившись, приступали... к выживанию. С головой погружались в омут коммерции. Открывали собственное «дело»... в виде лотка у дороги. Прежний (сленговый) лексикон, выброшенных на обочину инженеров, врачей, учителей, актёров, пополнился словами: челнок, купи-продай, опт, розница, предпринимательство... (конечно же, с ласкающим слух эпитетом – индивидуальное!). Вертелись, изворачивались, хитрили, пускались во все тяжкие, теряли здоровье, разорялись, спивались, и умирали... не дотягивая до сорока пяти.

Те же, которые смириться не хотели, уходили в криминал. Исповедуя лозунг: «грабь награбленное!», легионы «несогласных», не гнушаясь никакими средствами, приступили к переделу... (не по понятиям, как им казалось) поделённого имущества. «Рыночный» лексикон – мелкой шушеры, вымогателей, и просто бандитов – пополнился словами: рэкет, крыша, отжим, счётчик...

В короткий срок сформировалась «плеяда» авторитетов. Фигуры (титулованные, и не столь), как и нувориши, оделись в деловой импорт. Выглядели карикатурно. Импорт (даже настоящий) сидел на авторитетах, как на корове седло. Подводили – и вкус, и манеры. Но вот – лексикон авторитетов (чувствовалось расслоение) довольно скоро (и заметно) стал отличаться от лексикона шушеры и жаргона ближайших подручных. Авторитеты пополнили прежний «понятийный» сленг более цивилизованными словесами, и с важным видом (иногда не к месту и невпопад), произносили: рейдерство, недружественное поглощение, сферы влияния, офшор, легализация «средств», и вывоз «капитала»...

Всё возвращалось на круги своя. Видимо и впрямь, политические циклы (любого окраса и содержания) – развиваются по спирали.

И закон «отрицания отрицания» тоже подчинён правилу спирали, и на более высоком уровне вновь отрицает то, что однажды уже было отвергнуто.

Формации рождаются, живут, выходят на пик процветанья, но, исчерпав временную квоту, – отмирают. И как всегда их могильщиками становятся революции, – бархатные, кровавые и бескровные, цветные и чёрно-белые, начатые либо сверху, либо снизу.

Революции – во все времена преследующие только две цели: разрушить до основания, а то, что осталось – отнять и поделить....Зачем столь долгий экскурс в наше (и моё) недавнее прошлое? Есть ли в моих суждениях самобытность осмысления времени, в котором жил? Я –

рядовой обыватель, которому удалось «объять» – две трети ушедшего, и два десятка лет нового – веков.

Смею надеяться, что есть. Хотя бы в частностях. Скажем, в убеждённости, что большие состояния делаются из воздуха, а малые – из обмана ближнего. Что расслоение в любом сообществе – обязательно, поскольку люди – не усреднённая масса, а испокон разнятся... по таланту, физике, и способу мышления. Что революции, вводя уравниловку, загоняют расслоение в подполье, где закономерно и до предела обостряется противоречия, – неизбежно, рано или поздно, приводящие к бунту, или к тому, что, на марксистском языке, называют – сменой формации.

Отсюда и моё (возможно спорное утверждение), что история, и на очередном витке прогресса – повторяется (и будет повторяться), а жизнь (в любой её ипостаси), как и во все времена – в нас и вне нас – состоит (и будет состоять)... из зарождения, расцвета, и неизбежной смерти.

И что подобный алгоритм конца характерен не только для живых особей, но и для государства, утратившего (в силу эволюционного старения) свой – внутренний, стержневой иммунитет.

Пафосно? Витиевато? – Нисколько.

Я, пусть с трудом, и задыхаясь, – но добежал до середины восьмого десятка. Говорят, для жителей Европы – это не возраст.

Любопытно, для какой её части? Взглянув на географические параметры, в который раз убеждаюсь: я ведь тоже живу в Европе...

К несчастью, в той её части, где в двадцать седьмом году прошлого века люд едва дотягивал до сорока, а к середине столетия – с трудом добирался до шестидесяти.

Почему те, что – западнее, живут дольше? Есть ли в феномене «долгожительства» – их собственная заслуга? Став в позу, западные утверждают: «всё дело – в нашем образе жизни, в высоте нашей медицины, и в наших докторах, которые у нас таковыми являются, а не, как у вас – записаны в таковые».

Чего в этом пафосном спиче больше? – спеси, простой констатации данности, либо снисходительной поучительности... Не знаю. Возможно, всего – в равных долях. Сам же по себе – факт упрям, и его не замолчать: живут дольше! И даже, будучи побеждёнными – «утробоядно!» – живут лучше победителей...

В чём причина короткого века нас, живущих восточнее, – догадываюсь. Но развивать эту мысль не хочу. Слишком много вопросов, разрешить которые я не в силах. Слишком много... Почему в глобальных войнах – восточных всегда гибнет вдвое больше, чем западных? Почему большие победы даются нам только такой ценой? Ведь исстари нас учили исповедовать принцип: «не числом, а умением!»... И ещё десяток таких же непреодолимых – почему?

Глава пятая

У меня особый счёт к двадцатому веку, в котором прошла большая часть сознательной жизни. Веку, ставшему для моей страны поворотным, а для меня веком контрастов, веком торжества машин, веком, позволившим заглянуть (пусть и чужими глазами) в пространство ближнего и дальнего Космоса.

Я знал и «уют» керосиновой лампы начала двадцатого, и «техносовершенства» его середины, и «хай-тековские» изыски двадцать первого. Я был свидетелем – больших, малых, и частнозначимых событий. Иногда – активным, иногда – пассивным. Мой взгляд на некоторые вещи и на их порядок, возможно, покажется надуманным и заумным, но это мой взгляд, и право на него я имею. Я не навязываю его никому. Сегодня, сидя за компьютером, я доверяю свои мысли только дисплею, и всего лишь полагаю, что завтра – набранное (и, надеюсь, изданное) – кто-нибудь прочтёт. Что-то не примет, над чем-то вдоволь посмеётся, но кое-что (возможно, даже перечитав) – сочтёт весьма занятным, а сам текст – любопытным и неординарным.

...Те, кому в конце жизненного пути есть что сказать, часто этого не делают. И не потому, что не умеют, или не знают как. И умеют, и знают. Но держат в уме соображение: написанный (и опубликованный) текст – «небо коптящую братию» не зацепит: не найдёт «братия» в нём ничего для себя... потребительского. Зачем же тратить время на бездумное перелистывание текста, в котором нет даже картинок? Ни простых, ни, тем более, глянцевого.

Другие же, кому тоже есть что сказать, и тоже этого не делают, – чужой текст и вовсе читать не станут. По причине предвзятого неверия в правдивость написанного. А иногда – из боязни увидеть в чужом тексте развенчание тех ценностей, что в своём (ненаписанном), но сложенном в уме эссе – те, кому есть что сказать, определяли – как ценности неоспоримые и непререкаемые...

Глава шестая

Смешно до колик, когда некто, раздобрев материально, обзаводится грамотой, которая подтверждает, что якобы его род – трижды троюродная ветвь знатного семейства, а, знамо, и в его жилах есть частичка графской, княжеской, а, возможно (чем чёрт не шутит), – и венценосной крови.

Пустая бумажка, купленная за денежные знаки. Но как греет эго.

Тщеславие, тщеславие, тщеславие...

Желание казаться, если не лучше, то хотя бы родовитее.

Ну, зачем это тебе?

Куда надёжнее – быть первым среди равных!

Купленная бумага, на которой есть «фамильные?» герб и печать, и куда вклеен твой отретушированный фас, несмотря на её «солидность», – не поднимет тебя в глазах окружающих.

Истинную цену тебе – те, кто рядом, знают давно.

... Знакомый еврей, общаясь со мной, как-то изрёк: «Нарисовать себя в паспорт Петровым – мне, Мойше, вам скажу – то пара пустяков. Но спросите меня – если завтра погром, кому придёт в голову читать мой паспорт? И я отвечу – что никому! И бить будут – не Петрова, записанного в паспорт пролетарием, а меня – Мойшу Цукермана, и мою жидовскую морду»...

Немного манерно, и, по экспрессии, отдаёт нарочитым кошерным национализмом, но, в целом – правдиво.

Кто спорит, быть Иванами, родства не помнящими – скверно.

Помнящим же – откуда пошли, грешно и неблагоприятно стыдиться «плебейского» статуса своих предков, и презирать близких за безродность происхождения. Родителей, как и судьбу, не выбирают. И будь благодарен им хотя бы за то, что даровали тебе жизнь.

Кто знает? – может так было угодно Богу, чтобы тебя на свет произвели – именно они.

А, посему – негоже искать «княжеские» и «интеллигентские» корни там – где их нет, и быть не могло. Порода – дар зачатия, она – от таинства, и её не улучшить за денежные знаки...

Места под солнцем иногда получают по наследству.

И весь свой якобы «патрицианский» век кичатся – кожей, мягкостью, и высотой унаследованного кресла.

Скучно...

Мне больше по душе простая возможность заявить:

«Я – индивид, тем и интересен».

Глава седьмая

Мой отец – Пётр, по батюшке – Сергеевич, второй ребёнок из многодетной семьи, где были ещё трое братьев и четыре сестры, не считая (по устным преданиям) нескольких умерших при рождении и в младенчестве. Дед по отцу – Сергей (не знаю, который по счёту сын своего батюшки – Харлампия), запомнился мне крепким, благообразным стариком, без признаков полноты и облысения, роста среднего, сложения пропорционального, с лицом не ярким, но с чертами мягкими, располагающими к себе своей славянской округлостью. Кажется, он был из рабочих, не припоминаю – из каких, но прожил свою жизнь, по меркам тех времён, мне думается, весьма достойно. Дед умер, не добрав нескольких месяцев до своего столетия, не зная инсультов и параличей, умер седовласым, но не облысевшим, умер по причине усталости сердца, которому надоело стучать так долго.

В десятилетнем возрасте меня часто возили к деду, видимо потому, что на тот период я был его единственным внуком. С дедом я виделся и позже, будучи уже студентом, и позже, когда обзавёлся собственной семьёй, и выглядел куда респектабельней, чем тогда, когда коротал свои отроческие годы. Дед не учил меня ничему, но любил потрепать за вихор, и угощал, брендовыми (в те годы) конфетами-подушечками, извлекая их из кармана, где, как казалось мне, они хранились всегда, завёрнутыми в замасленную тетрадную обложку.

У деда был большой дом, из восьми или даже девяти комнат, с надворными постройками и небольшим садом из вишнёвых и абрикосовых деревьев. Дом стоял где-то на середине между центром и окраиной города, и к нему я ещё вернусь, повествуя об оккупации города силами вермахта, и размышляя о первых годах пребывания «арийцев» на захваченных землях Союза.

Я заведомо не называю города, где обрелись мои сородичи в период «господства» в нём оккупационных властей.

Страдания и лишения людей, не успевших или не захотевших по каким-то причинам эвакуироваться, и в этом городе, как и в других весях, где бесчинствовали германцы (а вкупе с ними – румыны, мадьяры, и даже итальянцы), – были стандартны: расстрелы, принуждение к рабскому труду, заточение в концлагеря, и перемещение в рейх – «особей» славянской наружности, для работ в усадьбах фрау, либо в замках престарелых «фонов», либо в «садах?» прочей арийской знати.

В этой связи, я хочу коснуться семейной тайны, что долгое время витала над одной из сестёр отца, а именно над старшей сестрой – Асей...

Глава восьмая

О войнах двадцатого – мировых и локальных, отечественных и гражданских, колониальных и освободительных – я, конечно же, сужу по печатным и визуальным материалам – тем, что однажды государство сочло нужным предоставить мне, его обывателю, для обозрения и прочтения.

Большие и малые войны двадцатого (по фабуле и официозу этих документов), – развязывались якобы... лишь по причине маниакального стремления одной нации – к вселенскому господству над остальными; хотя (на мой взгляд) в двадцатом, – мировое господство становилось химерой любой крупной страны, назначившей себя расовым, экономическим, либо военным совершенством.

Среди прочих, мировые стоят особняком, прежде всего по масштабам применения машин, и, особенно, по масштабам потерь, – по грубым подсчётам военные потери составили более двухсот миллионов душ. И хотя основным видом оружия в этих двух глобальных войнах было всё же оружие пороховое, огнестрельное, но с «успехом» опробовалось (в обеих мировых!) – и оружие... «массовых поражений», а, проще говоря – оружие массовых убийств: хим – бак – и био; и – сверхчудовищный продукт тогдашнего оружейного прогресса – ядерное.

Наверняка, есть и другие тайны войн двадцатого, но – к ним, мне, рядовому обывателю, читающему и смотрящему только то, что доступно, – не позволяют добраться дозированно открытые архивные источники. Что до освещения военных коллизий двадцатого художественными либо мемуарными приёмами, полного доверия к ним – у меня нет, поскольку всевозможные изыски и вариации этих приёмов слишком назойливы, и неприкрыто отдают излишним субъективизмом, конъюнктурной очевидностью, и – отцензурованным идеологическим окрасом...

Правда, поданная от имени, но не опирающаяся на очевидные аргументы – есть ложь!

Кстати, сии источники мало что добавляют и к правде о начале Отечественной войны, о её первых месяцах позора и панического страха; о хаосе и неразберихе на фронтах, о растерянности вождей и партийных калифов – в первые недели нашествия, отлично экипированного и оснащённого бронетехникой противника – «веролома?», якобы предательски разорвавшего пресловутый пакт о ненападении.

Архивные источники нехотя говорят и о том, что принудительно поставленные под ружьё батальоны австрийцев, венгров, румын, итальянцев и испанцев, вяло и неумело воюющие на стороне Германии, являли собой обычное пушечное мясо, брошенное в мясорубку мировой войны, – мясо, которому земли и богатства Союза были не нужны, но которому, в схватке за эти сокровища – предопределено было сгинуть на полях России...

Захват неприятелем за короткое время большого куска европейской части Союза, с застрявшим на оккупированных землях (в силу разных причин) гражданским населением, – породил практику перемещения, интернирования, и (чего уж тут!) – откровенного угона в рабство работоспособных лиц любого пола и возраста.

Международное сообщество, предвидя рост в ожидаемых войнах числа так называемых «неокончательных» потерь, в той или иной степени позаботилось об участии солдат и интендантской obsługi (подразумевалось их возможное пленение в ходе военных действий), – и предложило крупным странам (для рассмотрения и ратификации) – ряд конвенционных правовых документов, в которых оговаривались условия содержания будущих военнопленных. Что же до перемещённых лиц, и возрождения рабства в середине двадцатого века, то, судя по всему, подобные вещи мало интересовали международное сообщество, как и участь гражданского населения, которому отводился «статус»... порабощённого народа.

Прохладное отношение вождей Союза к Гаагским и Женевским конвенциям, к деятельности Международного Красного Креста, исходило, мне думается, из подкожно-подспудного недоверия к собственной армии, к её командному корпусу, и к солдатской массе, состоящей, по процентному соотношению, в основном из коллективизированного крестьянства.

А, посему, у властей вполне обоснованно возникали опасения, что при неудачном развитии военной компании, станут возможными не только отдельные случаи проявления солдатами и офицерами трусости и антипатриотизма, но будут иметь место и повальные переходы на сторону врага, – той самой, люмпенизированной властями, массы недавних мелких и средних собственников.

Военнопленные, из числа активных солдат и обязательной obsługi (язык международного права их делит на комбатантов и нонкомбатантов, – витиевато, но заумно), составили во Вторую мировую цифру в несколько десятков миллионов.

Архивы, пусть и вскользь, но свидетельствуют, что у нас, среди попавших в плен по причине слабости армии и бездарности военачальников в первые месяцы войны, были и те, (и таковых оказалось немало), кто уходил в плен добровольно, по идейным, или иным соображениям, кто не желал защищать (не Родину!), а, как они были убеждены, – преступную власть Советов.

Замалчивать этот факт, по меньшей мере – неосмотрительно. Надо думать, у многих, мобилизованных по зрелому возрасту солдат, ещё свежи были в памяти – и красный террор, и уничтожение «среднего» класса, и 37-й год, и местечковые злодеяния правящей партийной братии...

Глава девятая

К чему, я спрашиваю себя, эта ретроспектива, этот обстоятельный экскурс в историю сороковых военных лет?

Зачем столь подробно вырисовываю – своё (буду честен) более чем рядовое генеалогическое древо? К чему эти «философские» длинноты, и размышления на тему: кто есть кто, и кто есть что?

В чём «феномен» этой Аси, по древу приходящейся мне родной тёткой? Почему, из всех родственников по линии отца, её судьба так интересует меня? Тем паче, что её, свою загадочную родную тётку, я никогда не видел воочию. Неординарная личность?

Нет, конечно же, – не в ней, как таковой, дело...

Её судьба, её история (как мне кажется) типичный пример злоключений – интернированных, перемещённых, и угнанных в рабство лиц – во времена Второй мировой.

Достоверных сведений – как, когда, и для каких обязанностей, сестра отца, Ася, была перемещена в Германию, и почему не вернулась на родину после войны, – у меня нет. Но смею высказать предположение: не вернулась по одной из причин, по которым не возвращались многие, оказавшиеся на вражеской территории по чужой, либо по своей воле.

Да, по своей! Среди разного рода невозвращенцев военного периода (надо признать!) были и те, кто добровольно переходил на сторону врага, и затем верой и правдой служил новым хозяевам.

В разных чинах и ипостасях. В 41-вом они твёрдо были убеждены, что дело закончится разгромом Союза, и что их выбор – мудр и прозорлив.

Не случилось.

Возвращаться же туда, где расстрел был бы единственно-закономерным возмездием за предательство – не хотелось.

Наверняка были и сверходиозные «личности», холуи-клеветы, натворившие «в услужении» немало кровавых дел, и возвращение которых на родину (если бы оно состоялось), не сулило бы им ничего, кроме позорной смерти. Разного же рода отребье, а проще – дерьмо, которое болталось в локальных ополонках мировой войны, и имело свои «местнозначимые» грешки, – на родину тоже взидало с опаской: там ведь (по тяжести греха) вырисовывались – либо тюрьма, либо – лагерь и забвение.

...К слову: холуистствующая публика – вовсе не была однородной: разнилась – и по тяжести грехов, и по мозгам. И отдельные её «представители», прозрев, (или раскаявшись) – всё же возвращались. Даже зная, что их ждёт. «Прозревшие» понимали, что, как отработанный материал – послевоенной чужбине они вряд ли понадобятся. Даже, во что ни на есть – мусорном качестве! И предпочитали вернуться, и отбыть лагерную повинность (а то и встретить смерть) – на родине...

Но были и те, кто нашёл в неволе своё личное счастье. Да вот незадача: избранник или избранница, часто были (в социальном плане) – и другой веры, и другого сословия, и другой ментальности. Но когда подобные мелочи были для сердец помехой? Война не запрещала любить, даже в неволе. И куда отправиться на жительство после окончания войны – не всегда зависело от долга и от ностальгии по родине. Чувство перевешивало...

Что бы там ни было, но Ася оказалась (вместе со встреченной любовью) в Америке, кажется, в граде Бостоне. Её благоверным оказался бельгиец, инженер-электрик по профессии, полюбивший перемещённую на чужбину русскую девушку Асю. Поговаривали, что в те годы она выглядела аппетитно, и по-славянски фактурно.

Была ли Ася там счастлива – сказать не могу, не знаю. Но прожила (по сведениям, дошедшим до меня) – долгую жизнь, и умерла в довольно почтенном возрасте: наследственность сказалась и на чужбине...

Каким образом она дала о себе знать уже после смерти «отца всех народов» – мне неизвестно. Но приезд в Союз, и свидание с родными – состоялись. Была «оттепель», было истечение срока давности, да и сам прецедент – к теме предательства отношения не имел. «Органы» в то время уже не интересовало, по какой причине в 41-вом кто-то оказался на чужой территории; интересовало только – почему не вернулся.

Свидания были разрешены. Конечно, в определённом месте, и в определённое время. Конечно, под присмотром. И только с родственниками, не имеющими? отношения... к государственной? тайне. Но – разрешены. Были слёзы, рыдания, воспоминания. Во время встреч демонстрировались (и в очередь раздаривались) привезённые из-за моря «безделушки» – в виде тряпок, заморских сладостей, и бытовой техники. Под надзором органов. Но пресловутый надзор каких-либо неудобств не доставлял: «оттепель» всё ещё продолжалась. Мне о контакте поведали вскользь, и без особых подробностей. И сообщили, что у меня в штатах есть два двоюродных брата. И предъявили фотографию – цветную, диковинную по тем временам, на которой братья были запечатлены.

Неплохие парни. Смотрелись раскованно и вальяжно.

Судьба невозвращенки военных лет?.. Благополучная судьба?..

Как знать, как знать... Отец, помнится, после встречи с прибывшей «оттуда» сестрой, размышлял: видимо, я смотрел на неё не теми глазами. Если бы – теми, она б не сказала мне на прощанье: «Не надо завидовать. Ни моей вины, ни моей заслуги нет в том, что я оказалась в Америке. Воля случая, обстоятельств, и бог знает чего ещё. Кривить не стану – мне грех жаловаться на судьбу. И всё же, человек должен жить и умереть там, где родился. Русский – тем более»... Вот, пожалуй, и всё, что я счёл нужным сказать о первом поколении моих родственников со стороны отца.

...Жена деда Сергея – Василиса, набожная, ворчливая, властная женщина (такой она запомнилась мне, и такой она подавалась в пересудах и перешёптываниях близких), родила ему множество детей, вырастила семерых до совершеннолетия, любила опрокинуть чарку-другую горькой, и умерла, то ли от злокачественной женской болезни, то ли от цирроза печени, в возрасте чуть более за шестьдесят.

Поговаривали, что баба Василиса подвизалась в амплуа завсегдатая местной церкви (в каком «чине», поведать не могу – не знаю), но моя мать однажды намекнула, что по настоянию бабушки Василисы, именно в этой церкви я и был тайно крещён...

Глава десятая

Я благодарен отцу, благодарен матери, и, конечно же, вдвойне благодарен – их отцам и матерям, за хорошую наследственность. Спустя годы, уже имея солидный опыт практикующего врача, я окончательно убедился, что здоровье человека лишь на долю процента зависит от усилий эскулапа, и почти на девяносто – от хорошей наследственности. Но человек слаб, его гложет хотение: «всего – и сейчас!». И, пускаясь во все тяжкие – в молодости или в среднем возрасте – то самое хотение «всего и сейчас», даже при добротных генах, часто приводит нас к ранней смерти, или (что гораздо предосудительней) – к сумасшедшему дому.

Что ж, как говорится, естественный отбор никто не отменял.

И хотя каждый страждущий знает, что утраченное здоровье... вернуть нельзя, тот же страждущий, подойдя к точке невозврата, тешит себя надеждой, что именно ему это будет под силу.

Конечно, здоровье моих родителей не было, и не могло быть идеальным. Их детские лета пришлось на годы «классовых междоусобиц», на годы хаоса и разрухи, на годы повальной бескормицы и разгула эпидемий. Выжить в таких условиях, а тем паче – добраться до совершеннолетия, в те, непростые для детства времена, удавалось немногим. Моим родителям удалось; удалось выжить в детстве, удалось войти в зрелость практически здоровыми людьми; и – без признаков неполноценности – дожить до преклонных лет.

Везение? Жребий? Улыбка судьбы?.. Склоняюсь к мысли, что дело всё же не в фатуме, а в добротности иммунного стержня, в той вещи, которую (с открытием генома), – принято называть хорошей наследственностью. Безусловно, кое-какие поломки не могли не закрасться в хрупкий механизм здоровья моих родителей, и часть этих поломок наверняка передалась и мне, и моей сестре – Татьяне, сестре, которой привелось родиться, пусть и не во всём благополучные, – но всё же в мирные пятидесятые годы.

Мне к тому времени было уже двенадцать...

Возможно, хорошие гены и здоровая наследственность позволили и мне, карапузу, выжить в оккупированном городе, – без охранного полиса, без прививок и лекарств, без нормального питания, без всего того, что обязано дать, и даёт ребёнку государство, в возрасте – от нуля до семи лет.

Но шла война...

Глава одиннадцатая

Моя мать – Софья, по батюшке – Гавриловна, в молодости была миловидной, ладно скроенной девушкой (я сужу об её «чарах» по чудом сохранившимся довоенным фотографиям); хотя, надо заметить, – к семейным альбомам и родословным архивам в семье относились без особого пиетета.

Каким был образовательный ценз моей матери – не знаю, ибо никогда не видел и не читал её аттестационных бумаг. Мать родила меня, когда ей было чуть за девятнадцать, и до моего рождения, мне думается, успела чему-то поучиться.

В те годы обязательной была школа первой ступени, где, следуя декрету: «о сплошной ликвидации неграмотности», обучали простейшим навыкам чтения, письма, и правилам счёта, а, вернее, знакомили с понятием числа и его количественной характеристикой. В большом почёте было самообразование, и некоторые партийные и хозяйственные работники, окончив ту самую четырёхлетнюю начальную школу, благодаря упорству и природной хватке, оказывались у государственного руля, и, надо признать, вертели вверенный «большой» руль – мудро. Припоминаются и имена двух-трёх литераторов тех лет, чей образовательный ценз составляли те же четыре класса школы первой ступени, но, судя по оставленному наследию, столь скудный «академический» ценз не помешал – им, ниоткуда взявшимся самородкам – прочно обосноваться на пьедестале интеллектуальных гигантов своего времени.

Мать, мне помнится, учительствовала в младших классах, затем начальствовала в дошкольных учреждениях; затем был период длительного «домохозяйствования», и, как следствие, утрата профессиональных навыков, а, вернее, (что ближе к истине) – их не востребованность со стороны работодателя. Но прежде, со стороны матери, было (мне думается) – простое нежелание продавать эти навыки за гроши. Доход, пусть и скромный, отец семье обеспечивал. Почему в бальзаковском возрасте мать решила развестись с отцом – остаётся загадкой. Я давно (более десяти лет) не жил в отчем доме, и пружин развода, ни тайных, ни явных, знать не мог.

Извечная закавыка: дети не понимают поступков своих родителей, а родители – поступков своих детей...

Отцу к тому времени исполнилось пятьдесят. Развод (по моим впечатлениям) огорчал его не очень. Дело прошло без эксцессов. Имущественные проблемы были разрешены без ущемления чьих-либо прав. Претензий и судебных тяжб не было. Мать забрала дочь Татьяну и уехала с ней в другой город. Вроде как в никуда. Однако вскоре стало ясно, что отъезд якобы в никуда – фикция. И было куда, и было к кому! На новом месте мать вскоре вышла замуж.

Новый муж был чуть старше матери. Оба его взрослых сына проживали отдельно. Жена умерла, кажется, от какой-то болезни. Брак был долгим, и вроде бы удачным. Отчима я видел: крепкий мужичок, высокий, худощавый, с хитрецей в глубоко посаженных глазах.

Высок ли был его социальный статус, сказать не могу – не любопытствовал. Со слов сестры, отчим был терпим, хозяйственен, покладист. Работал до глубокой старости. Где – не интересовался. Но достаток был – средний, но постоянный.

Умер в возрасте где-то за восемьдесят.

Мать пережила второго мужа на несколько лет. Болела, но не смертельно. Болела, как чаще всего болеют старики в этом возрасте – перманентно. И когда ей было – за восемьдесят, покинула этот мир... добровольно. Предсмертной записки не оставила.

И никто не задавался вопросом – почему. Её жизнь – её право...

Судебный эксперт, осмотрев мёртвое тело, бесстрастно заключил: «признаков внешнего насилия нет»...

...Всевышний, возможно, и дарует нам жизнь, но он же её и забирает. Через болезнь, через убийство, через несчастный случай.

И очень редко – через естественный уход. У каждого из нас – свой жребий, назначенный свыше! И смерть через добровольный уход (на мой взгляд) – только внешне выглядит суицидом.

Что если это приказ ангела-хранителя, идентичный команде – на стирание «я» в домашнем компьютере?..

С родственниками по линии матери я знался только с одним – с её братом Василием, высоким, худощавым (как и все в их роду), военным полковником, специалистом в загадочной (для меня) области вычислительной техники и локации. Секретным. Вроде бы до войны окончившим институт связи и радиотехники. Гостил я у дяди несколько раз. Он проживал в Москве. Работал в каком-то загадочном научно-исследовательском «ящике». Запомнился мне суховатым, немногословным, при разговоре растягивающим и тщательно взвешивающим слова, собеседником.

Женат был на моложавой, ухоженной московской даме, родившей ему двоих детей. Младший – сынишка Саша, умер рано от болезни крови. Старшая – дочь Галя, приходившаяся мне двоюродной сестрой, к общению со мной относилась холодно. Вышла замуж за дипломата, долго жила за границей. Но так сложилось, что заболев по-женски, обратилась ко мне, уже как к врачу.

Дело закончилось операцией. Успешной.

Скончался дядя в возрасте немного за пятьдесят от остановки сердца. Умер (со слов близких) во сне, у себя дома, днём, отдыхая после обеда.

Дед по матери – Гаврила (либо Гавриил), такой же сухой, поджарый старик, как и всё его потомство, одно время проживал вместе с нами. Дед плохо видел, страдал больными ногами, и ходил всё лето обутым в опорки от валенок.

В молодости, кажется, был столяром-краснодеревщиком.

О других, весьма многочисленных родственниках, кое-что слышал, но ни с кем никогда не встречался. Видимо, ни они, ни я – к очным контактам должного интереса не проявляли.

* * *

Отец после развода вскоре женился, и в пятьдесят зачал ребёнка. Родилась дочь. Брак, конечно, был вынужденным, но и оставаться одному в его возрасте – было бы более чем негоже. Оказался ли повторный брак для отца счастливым – не знаю; удостоверяю лишь факт: длился брак ровно 44-ре года...

Глава двенадцатая

Ни мать, ни отец серьёзно меня никогда не наказывали: то ли я не давал повода, то ли воспитание строилось на чём-то другом.

На чём? Полагаю, прежде всего, на принципе: вскорми, и пусть будет, что будет. Был бы здоров, и имел бы охоту к учёбе.

Сюсюканий и всяких там лобызаний в пухлые щёчки – не помню.

Не помню и изобилия игрушек; не помню сладостей (кроме мороженого); не помню и особых поощрений за хорошие отметки.

Не помню на себе... и другой одежды, кроме той, что покупалась в лавках ширпотреба.

Но помню книги, пластинки, диафильмы – единственно доступные, в те годы, домашние источники информации. Тогда они значили для меня больше, чем все гаджеты, имеющиеся у меня сегодня. И ещё была – улица!..

Вот так и растили меня мои, давно уже упокоившиеся предки.

Да, не было показной строгости, не было назиданий и многословных увещаний, – но и вседозволенность была под негласным запретом.

И выросло из меня то, что выросло.

Смею надеяться – не сорняк...

Глава тринадцатая

Отец, перенявший от деда, то бишь – своего родителя, хорошую наследственность, прожил долгую жизнь, скончался в возрасте 95-ти лет в своей постели; умер тихо, спокойно, в окружении дочерей и падчериц, и своей второй, моложавой и молодящейся, не слишком огорчённой его возрастной кончиной, супруги.

К началу войны (той самой, что мы зовём Великой Отечественной) отец учился в Москве в Высшей школе профсоюзного движения, и к 41-му году успел окончить два или три курса. Тогда же, и оттуда был мобилизован; на фронте командовал артиллерийским подразделением, то ли батальонным, то ли полковым, провёл всю войну в линейных, передовых частях, но за всю компанию не получил ни одного ранения, ни даже царапины, хотя, судя по боевым наградам, воевал прилично, и весть о победе застала его в Берлине. Вот только уходил отец на фронт лейтенантом, а вернулся всего лишь старшим, что довольно странно при тогдашних, особенно в первые месяцы войны, потерях офицеров, в силу чего лейтенант через пару-тройку мясорубочных недель становился майором.

Меня, гордящегося его военными заслугами, волновал этот вопрос, но спросить отца, почему? – никогда не решался.

Впервые же отца я увидел, когда мне исполнилось семь лет (то был год возвращения его из действующей армии в 45-м), и расстался с ним (практически), когда мне исполнилось шестнадцать, и я отправился познавать азы науки об устройстве человеческого тела, и об его, этого тела, хворях. Так что тесное общение с отцом уложится, пожалуй, в семь-восемь послевоенных лет. Отец вяло интересовался моими успехами в школе, редко заглядывал в ученический дневник, водил меня в общественные бани, иногда в кино, покупал кое-какие настольные игры, познакомил с шахматами (в которых неплохо разбирался), но не привлекал к спорту, хотя сам играл в футбол, и имел до старости завидную физическую форму. Надо учесть, что отрочество моё пришлось на годы послевоенной разрухи, и требовать в то время от отца чего-либо большего, чем простого назидательного участия, было бы, наверное, несправедливо. Потому-то на всю жизнь мне запомнились его слова, когда, пристально глядя на меня, он вдруг произнёс: «Руки – плети, шея тонкая, сидит на узких плечах, ноги слабые и худые, – тяжёлый труд не потянешь. Начинай думать о голове. Хлипкое тело вряд ли прокормит. Но если будет голова – будет и пища».

Редакция этой тирады, конечно же, нынешняя, но суть этой фразы, изречённой отцом шестьдесят с лишним лет назад, и сегодня поражает меня своей прозорливостью. Он никогда не обращался ко мне, говоря: сын, или называя по имени, – обходился местоимениями – ты, тебе... Но мне тогда казалось не важным, как и на каком языке отец общается со мной, – важно, что он у меня был.

У сверстников, у многих – не было. Послевоенная безотцовщина сиротской бедой прокатилась по каждой второй семье...

Отец был членом ВКП(б) с довоенных времён. Был ли батюшка коммунистом – из тех, кого, согласно происхождению, причисляли к «настоящим», или всего-то был «рядовым» членом партии, – партии, членство в которой позволяло продвигаться по служебной лестнице, – утверждать не могу. Но, судя по незначительным постам, которые занимал отец на протяжении почти восьмидесяти лет, в этом членстве, как мне кажется, всё же было больше сознательной веры, чем, скажем, приспособленчества или иных конъюнктурных соображений.

В сорок пятом, то ли за боевые заслуги, то ли за это самое членство, то ли за обладание почти завершённым высшим образованием, отца направили, как изъяснялись тогда, – «поднимать» крупное пригородное хозяйство.

Я был мал, только что пошёл в первый класс, но кое-что из этой короткой эпопеи пребывания отца в должности «красного директора», в моей памяти всё же сохранилось, хотя и в виде обрывочных, одиночных картинок. Надо заметить, что в первые послевоенные годы, вернувшиеся из действующей армии офицеры, продолжали носить военную форму: брюки-галифе, китель (с орденами, либо с орденскими планками), без погон, но со свежешитым подворотничком; венчали же сей гардероб (часто порядком затасканный) – начищенные до блеска хромовые сапоги...

Отец, конца 45-го, и запомнился мне одетым в такую же офицерскую полупарадную форму, с тремя навинченными на китель орденами; запомнился молодцеватым, чисто выбритым, и пахнущим дешёвым трофейным одеколоном.

Я, тогда семилетний, частенько видел отца объезжающим свои «директорские владения» верхом на ухоженной лошадке... с карабином за спиной: шёл 46-й год, хозяйство восстанавливали отбывающие повинность пленные немцы. Да и бандитизм был той шукой, которая созидающим гражданам дремать не позволяла.

Ещё обрывочно сохранились в памяти какие-то фаэтоны, поездки в гости, разгульная жизнь...

В конце 45-го, после четырёх лет фронтовых лишений, после осмысления, что остался жив, что вернулся здоровым, и вроде бы без явных признаков ущербности, – солдату, офицеру, и генералу, конечно же, хотелось взять по максимуму от скудных щедрот послевоенного времени. Разумеется, за так, или по спецпрейскуранту. И брали по максимуму (но в пределах своих статусов), – и герой-солдат, вернувшийся в родную деревню, и офицер-орденоносец, получивший в награду руководящую должность, и генерал, купающийся в лучах своей полководческой славы.

И в этой погоне за благоденствием, «богу» всегда отдавалось – богово, кесарю – кесарево, а слесарю – слесарево. Брали правдами и неправдами, открыто и тайно, келейно и напоказ. Падали и поднимались, лишались должностей и партийных индульгенций, признавали ошибки, вымаливали прощение, и, усевшись в новые кресла, вновь принимались за добывание благ и житейских коврижек.

Угар послевоенного времени, в котором победители жаждали: «всего и сейчас!».

И гибли, и ломались, и уходили в небытие...

Отец, в те первые, эйфоричные, послевоенные годы, тоже (в доступном ему масштабе) – хотел «всего и сейчас». Угар захлестнул его, если не с головой, то по ноздри. В моей памяти обрывочно, но сохранились – и пикники, и «загулы на природе», и сцены джигитовки отца на лошади, и поездки в город на ленд-лизинговом студебекере, на сеансы тогдашнего, «важнейшего из всех искусств», – кино. Отец любил повертеть руль тяжёлой машины, но чаще, по причине «нехорошего» состояния, всё же доверял руль «штатному» водителю.

(И, кажется, водителем был пленный немец)...

Что уж там произошло, в каких грехах уличили отца, но только в скором времени он был освобождён от «красного директорства», и, кажется, поднимался вопрос об исключении его из партии. Но всё обошлось. Членство в партии, тогда ещё – партии большевиков, было сохранено. Учли, я думаю, военные заслуги, молодость, а «моральное разложение» списали на максимализм победителя.

Потом были бесконечные переезды, мелкие и средние руководящие должности, увлечение строительством, ранг освобождённого секретаря местной партийной ячейки (довольно крупной), и прочие перемещения по карьерной лестнице, – служащего «разночинной» руки.

Я рос, и с приближением пубертата, учился смотреть на жизнь взрослеющими глазами. Мать занималась годовалой сестрой, отец, пропадаящий на службе, лишь изредка замечал меня.

Помнится, застав меня за чтением «Аэлиты» и «Гиперболоида инженера Гарина» А. Толстого (а мне уже было четырнадцать), отец вдруг сказал: «Я начинаю свой день с чтения передовицы в газете «Правда»; не мешало бы и тебе приобщиться к подобному занятию, а не увлекаться беллетристикой, где между строк?., нельзя ничего прочесть». Каково?.. А ведь запомнилось!

Вот и думай после этого – был ли отец коммунистом по убеждению или по конъюнктурным соображениям. Мне кажется, ему (да только ли ему!) удавалось сочетать в своём кредо и веру в постулаты социализма, и атеизм конъюнктурщика.

И, поди разбери, что в этом противоречивом кредо на самом деле было – истинной верой, а что – приспособленчеством и конформизмом...

Глава четырнадцатая

«Мы все учились понемногу, чему-нибудь, и как-нибудь»... Фраза великого поэта, начертанная почти двести лет назад, мня, нынешнего, поражает и верностью подачи, и простотой смысла. Чему-нибудь учат и в наши дни. Учат обязательно, и с малолетства. Безвозмездно, и за плату. Подолгу, и не очень. Основательно, и как-нибудь. Принуждая, либо уповая на здоровую пытливость и врождённую тягу индивида к познанию.

Но не каждое дитя Господь целует в маковку. Большинству голышей достаются лобызания пониже. И сколь бы не твердили, что все дети от рождения талантливый, я стою на своём – это не так. Не все, и не во всём. Рождённый ползать – летать не сможет. И без разницы – чему его научат. И – как. Можно натаскать особь на образованность и на манеры. Можно вышколить по заданному образцу. Наконец, можно обучить талантливому ползанию!

Но научить... летать без крыльев – нельзя...

...Человек когда-то назвал себя «разумным!». И обзавёлся знаниями, которые позволяли ему так себя величать. Придумал числа от единицы до девяти, наловчившись их сочетать, складывать, вычитать, умножать и делить; записывать простой и десятичной дробью; извлекать корень, и возводить в степень; делать их отрицательными, и пририсовывая нули, приближать к бесконечности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.